

Марченко А.Ю.

г. Волгоград

**Городская идентичность в культуре постсоветской провинции
(Рецензия на монографию: Шипулина Н.Б., Щеглова Л.В., Шипицин А.И.,
Плужникова Н.Н., Елистратова Е.А. Антропология вещи в городской
культуре: концептуальные основы и поиск метода. Волгоград:
Издательство Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ
ВО «РАНХиГС», 2016. – 166 с.)**

Рассмотрение проблемы идентичности включает в себя анализ как субъективного, так и общекультурного аспекта данного феномена. Попытки типологизации разного рода моделей идентичности предусматривают такие ее модальности, как: персональная и коллективная; истинная и ложная; негативная и позитивная; реальная и формальная; нарративная, конфессиональная, гендерная и др. Первоначально возникшее в рамках психологических, а затем и психоаналитических исследований, понятие «идентичность» в современном гуманитарном познании стало употребляться для обозначения самоидентичности, целостности и цельности субъективной психической деятельности, актуальной способности к саморефлексии и самоосознанию себя в качестве личности. Начиная со второй половины XX века в широкий оборот вводится понятие «коллективная идентичность», используемое для определения устойчивых интерсубъективных представлений группы людей о самих себе во времени и пространстве.

Совершенно особой темой многочисленных исследований последних лет стал феномен городской идентичности, которая с одной стороны является более лабильной и спонтанной по сравнению с этническими или социально-экономическими характеристиками. С другой стороны, осознание собственной городской идентичности является важным маркером разграничения «своего» и «чужого» в современном культурном пространстве. В структуру городской идентичности можно включить три компонента: во-первых, это знания,

представления об особенностях своей группы, во-вторых, осознание принадлежности к ней и, в-третьих, эмоциональная оценка значимости этой принадлежности.

В постсоветское время многие провинциальные российские города столкнулись с проблемой идентификации и позиционирования собственной культурной среды. Городская среда, спроектированная и выращенная в рамках большого советского нарратива, оказалась в состоянии символического и организационного хаоса. Прежнее идеологическое наполнение было поставлено под сомнение, а формирование нового затруднялось в связи с отсутствием сопоставимой по солидаризирующему потенциалу культурной интенции. «Изменения, происходящие в обществе: смена поколений, масштабные события, новые мифы и ценностные установки, - материально деформируют окружающее пространство. Новые памятники вытесняют старые символы города, смысловой потенциал которых практически исчерпан, ареал обитания последних сужается и они мимикрируют под окружающий городской ландшафт» [1; С. 80].

Действительно, происходит утрата исходной символической и смысловой нагруженности пространства, культурная логика постсоциалистической городской среды вообще хаотична и абсурдна: под памятниками Ленину проводятся митинги либеральной оппозиции, долгостроящиеся православные храмы мирно зарастают по периметру автосалонами и торгово-развлекательными комплексами, а опустевшие дома культуры и муниципальные кинотеатры в отдаленных от центра города районах постепенно растворяются в природном ландшафте. Прагматика массивно вытесняет символику и идеологию, а общенациональные конвенции символизации и городской идентичности уходят в прошлое.

В связи с этим представляется чрезвычайно актуальной тема научной монографии «Антропология вещи в городской культуре: концептуальные основы и поиск метода», избранная коллективом известных волгоградских ученых. Реалогический метод постижения городской культуры, осмысление

овеществленных, повседневных практик взаимодействия людей – один из наиболее перспективных подходов и условий понимания синкретичной среды обитания современного человека. Об этом прямо пишут и сами авторы: «как в современных науках о культуре, так и в самой культурной реальности, сейчас происходит смена парадигм: от эстетической и семиотической – к реалогической и персонологической... неустрашимый человеческий, точнее, личностный фактор ориентирует современное знание о культуре на индивидуализированные, субъективированные принципы изучения и понимания уникальных и неповторимых смыслов вещей» [2; С. 11].

Именно такой подход позволяет воспринимать мир урбанистической повседневности не сквозь абстрактные и зачастую устаревшие схемы противопоставления центра и периферии, индивидуального и общественного, частного и публичного, вертикально-государственного и горизонтально-семейного, а сквозь призму «человекообразных» чувств, эмоций, воспоминаний и личностных ценностных ориентаций. Реалогическая парадигма исходит из понимания вещи как формы личностной укорененности в бытии культуры и позволяет обнаруживать персональную причастность миру и «способ упорядочения мира в повседневной организации индивидуального бытия» [3; С. 263]. Поэтому нельзя не согласиться с авторами монографии в том, что «город и горожане попадают в поле зрения современных гуманитариев в их повседневной жизни, в простых словах, поступках, вещах и практиках, не имеющих глобального значения, но помогающих увидеть современные города «снизу и изнутри» и в этом смысле лучше понять глубинные пласты культуры города и городов» [2; С. 47].

Идею упрощения, пуэрилизации городского пространства, уставшего от глобальных метанарративов и лозунгов подчеркивает при микросоциологическом анализе блошиных рынков и Л.В. Щеглова: «современная барахолка как зеркало отражает пуэрилизацию культуры, захлестнувшую сегодня развитые страны... Главное, что дает блошиный рынок человеку – это возможность освободить в себе детское начало и одновременно

выразить протест против моды на одноразовые предметы, одноразовые отношения и линейную определенность статусно-ситуативного общения» [4; с. 86]. В этом смысле потребность в освобождении от уже отживших вещей и отношений коррелирует с устойчивой потребностью в обновлении символического пространства городской повседневности.

Монография изобилует богатейшим иллюстративным материалом, очевиден значительный труд авторов при подготовке текста, огромный объем предварительной работы, а также методологическая обоснованность основных положений и выводов. Чрезвычайно интересным представляется проведенный Н.Б. Шипулиной, Л.В. Щегловой, А.И. Шипициным, Н.Н. Плужниковой и Е.А. Елистратовой анализ волгоградской микроурбанистической среды, в частности, весьма захватывающими и рождающими встречный интеллектуальный поиск, являются параграфы, посвященные таким реалогическим феноменам, как дворовые скульптуры, барахолки, блошинные рынки, творчество создателей hand-made, буккроссинг, архитектурные комплексы и памятники, формирующие социальное пространство городской повседневности. Этот ряд хочется продолжить, отнеся к микроурбанистическим особенностям волгоградской среды знаменитые дорожные ямы и выбоины, а также стихийные свалки и газонные парковки. Так или иначе, авторы с грустью констатируют отсутствие на протяжении последних десятилетий хотя бы попыток формирования целостной культурно-символической политики и имиджа города: «это свидетельствует о том, что проблема поиска Волгоградом своего лица, включения города в мировой или хотя бы российский культурный контекст серьезно не стоит. Вопросы о миссии города, его локальном своеобразии, нематериальных активах редко являются предметом рефлексии экспертного сообщества ученых, художников, архитекторов, скульпторов и мало интересуют властные инстанции... Вместо целенаправленной и последовательной стратегии продвижения, мы имеем дело с кратковременными и конъюнктурными тактиками маркетинга имиджа города, вектор которых

задается политической элитой, навязывающей горожанам свое представление об идентичности Волгограда» [2; С. 79-80].

В данной связи необходимо сказать, что специфика волгоградской городской идентичности вполне вписывается в общероссийский постсоветский контекст и связана с историческими, географическими и социально-экономическими особенностями региона, затрудняющими, а подчас и делающими невозможной его спонтанную идентификацию. «Советский» линейный тип урбанизации определил организацию городского ландшафта, планомерное, «послойное» планирование среды в условиях чрезвычайно протяженного города все больше затрудняет создание единого коммуникационного пространства.

Происходящий в последние два-три десятилетия процесс фрагментации географического и символического пространства, переименовывания и «расколдовывания» знаковых для предыдущего поколения мест связан с усталостью от больших нарративов и «советскости» как таковой, что, кстати, нисколько не мешает по ней же активно ностальгировать. При этом данный процесс, очевидно, не способствует интеграции городского культурного сообщества, что закономерно влечет ощущение социальной инертности и безысходной нехватки солидарности и в значительной степени способствует оттоку из региона молодежи и трудоспособного населения. Для культурной ситуации многих городов российской постсоветской провинции, которые утратили прежний статус промышленных центров и исчерпавших традиционный символический ресурс, действительно очень «важно найти или создать новый культурный капитал, конвертируемый в реальные экономические механизмы, которые позволили бы этим городам стать вновь экономически успешными за счет внутренних культурных ресурсов» [2; С. 91].

Именно поэтому одной из актуальных задач, стоящих перед региональной элитой и профессиональным интеллектуальным сообществом становится рефлексия над возможными формами городской идентичности, а также маркетинг территории и целенаправленные усилия по формированию

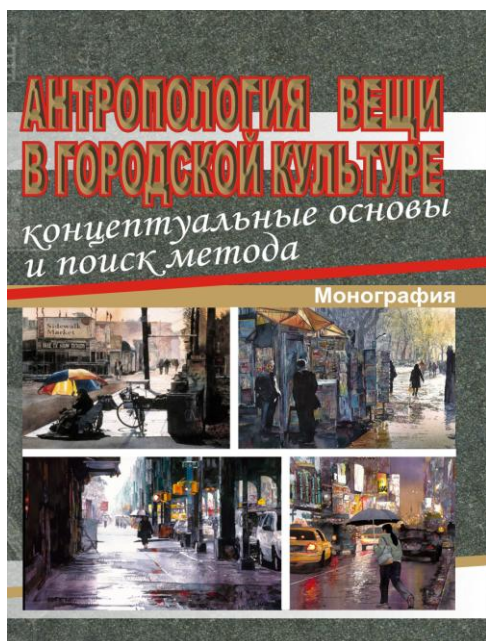
позитивного имиджа города, основанного не только на патриотической риторике и природных достопримечательностях, но и на чем-то еще, обладающем мощным интегрирующим и солидаризирующим культуртрегерским потенциалом.

Список литературы:

1. Саенко Н.Р., Шипицин А.И. Культурно-символическая политика в отношении городской скульптуры // Вопросы культурологии. – 2010. – № 12. – С. 80.
2. Шипулина Н.Б., Щеглова Л.В., Шипицин А.И., Плужникова Н.Н., Елистратова Е.А. Антропология вещи в городской культуре: концептуальные основы и поиск метода / Монография. Волгоград: Издательство Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы», 2016. – 166 с.
3. Шипулина Н.Б. От семиотики к реалогии: методологическая эволюция исследовательского и интерпретационного инструментария культурологии повседневности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. – № 4(33). – С. 263.
4. Щеглова Л.В. Bloшиный рынок как культурный феномен // «Сервис Plus». 2016. – № 1. – С. 86.

Опубликовано:

Марченко А.Ю. Городская идентичность в культуре постсоветской провинции (Рецензия на монографию: Шипулина Н.Б., Щеглова Л.В., Шипицин А.И., Плужникова Н.Н., Елистратова Е.А. Антропология вещи в городской культуре: концептуальные основы и поиск метода. Волгоград: Издательство Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО «РАНХиГС», 2016. – 166 с.) // Известия ВГПУ. 2017. № 3. С. 180-182.



**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
«АНТРОПОЛОГИЯ ВЕЩИ В ГОРОДСКОЙ
КУЛЬТУРЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И
ПОИСК МЕТОДА». (ВОЛГОГРАД:
ВОЛГОГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ,
2016)**

*Сенкевич Алла Владиславовна, кандидат философских наук, доцент
Воронежский институт высоких технологий, г.
Воронеж, Российская Федерация*

Коллективное исследование волгоградских авторов посвящено интересной и перспективной теме в области философской антропологии – вещи в их человеческом, смысловом измерении и многообразии культурных модусов. Примером городской среды, в которой вещи взаимодействуют с людьми, выступает сам Волгоград, его памятники, дворы, рынки, а также жители в качестве творцов и потребителей.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в России получает все большее развитие «общество потребления», ставшее в западной философии уже привычным предметом изучения. Французский мыслитель Ж. Бодрийяр, посвятивший ряд работ данной проблеме, выделяет два разных вида потребления. Один вид – это удовлетворение потребностей людей, устранение нужды в чем-либо. Это привычное значение термина «потребление», которое соответствует прежним историческим эпохам. Совсем иначе Бодрийяр характеризует потребление в современном обществе: «Потребление – это не пассивное состояние поглощения и присвоения, которое противопоставляют активному состоянию производства... Потребление есть активный модус отношения – не только к вещам, но и к коллективу и ко всему миру...».

Представленная Л. В. Щегловой и ее соавторами работа есть опыт осмысления мировоззренческих особенностей современных российских горожан сквозь призму их взаимодействия с вещами в сфере повседневности.

В самом начале монографии указывается, что культура существует не только в виде идеалов, принципов, идей, но и в материальности быта, в обыденной жизни людей. Повседневность наполнена вещами, впитавшими общественную практику, мировосприятие и получившими в силу этого символический характер. «Структуры повседневности создают возможность творческой самореализации личности в социуме, соединяя духовно-ценностные

основания культуры и реалии повседневной жизни, вписывая человека в пространство культуры, оформляя мировоззренческие ориентации» (с. 6).

Для разработки заявленной темы привлекается большое количество источников. Среди них – работы как отечественных, так и зарубежных авторов, в том числе использована литература на английском, французском и немецком языках, проанализированы многочисленные интернет-источники.

Первая глава монографии посвящена существующим в современном социально-гуманитарном знании методам и подходам к исследованию мира вещей. Первый параграф раскрывает сущность и отличия семиотической и реалогической парадигм. Первая, представленная знаменитыми именами зарубежных и отечественных мыслителей, интерпретирует смыслы коллективного, надличностного бытия, зашифрованные в вещах. Вторая, разработанная М. Эпштейном, рассматривает вещь как феномен единичного существования в ее принадлежности судьбе отдельного человека. Именно такой подход позволяет уловить нюансы повседневной жизни личности в их философском смысле.

Второй параграф выявляет реалогическую парадигму в российской философии культуры. Среди ее основоположников – историки культуры, филологи, социологи, этнографы, кинематографисты и, собственно, философы.

В третьем параграфе анализируются культурные модусы вещи: онтологический, метафизический, эстетический, семиотический, прагматический, этический, антропологический, персонологический, культурно-исторический. «Таким образом, вещь и вещественное, выступая в качестве стержневого свойства культуры в ее стремлении к наделению смыслом, упорядочению всего в мире, утверждают и иллюстрируют ее реалогическую сущность» (с. 41).

Вторая глава монографии раскрывает некоторые аспекты взаимодействия людей и вещей в структуре городской повседневности. В первом параграфе показано, что городская культура – это сочетание природного ландшафта, архитектуры, фольклора, ритма жизни, поведения горожан и пр. В настоящее время она исследуется представителями всего спектра социально-гуманитарных наук, а ведущей тенденцией стала микроурбанистика – изучение деталей обывательской жизни в их многообразии и личностном значении.

Второй параграф второй главы на примере Волгограда раскрывает различные модусы вещей в жизни города. Подробно изучив памятники и скульптуры своего города, автор пришел к выводу, что Волгоград сконцентрировал усилия «на эксплуатации образа города-героя, столицы патриотического воспитания молодежи, доставшегося в наследство от советского прошлого» (с. 65). Для того, чтобы называться культурной столицей российской провинции, необходимы и другие бренды. Таким культурным ресурсом могут стать, по

мысли автора, различные частные коллекции горожан, переведенные в статус музейных экспонатов.

Отдельное место в монографии занимает исследование handmade творчества в современном Волгограде. Автор выявляет практики, сообщества, основанные на данном виде деятельности, функции handmade творчества, причины востребованности изделий и имеющиеся проблемы.

Изделия handmade есть результат стремления человека к творчеству, совмещенного с привычными российскому менталитету «безотходностью деревенского быта» и жизнью в дефиците. Вещь, пусть даже созданная по шаблону, но украшенная своими руками, привносит в «конвейерность» повседневной жизни радость от созидания уникального предмета, вобравшего и эмоции мастера, и в буквальном смысле тепло его рук. По мысли автора, Волгограду необходима некая объединяющая площадка для творцов и потребителей handmade изделий, которые способны стать реалогическим брендом города.

Раздел, посвященный блошиным рынкам (барахолкам) Волгограда, раскрывает их культурную и социально-психологическую специфику. Ведь такие рынки, похожие по своей сути, имеют собственное «лицо» в каждом российском городе. На этом облике сказывается и этнический состав населения, и история города, и особенности географического положения, и многое другое. Анализируя коммуникативные процессы на волгоградской «Птичке», автор приходит к выводу, что в этом пространстве труд замещается игрой, и каждый посетитель вольно или невольно способен стать участником некоего реалити-шоу. Но «город еще не готов принять существование блошиных рынков в качестве новой для него формы социального досуга» (с. 121).

Приметой современности в российских городах стало движение буккроссинга – свободного обмена книгами с целью сделать их общедоступными. Это явление исследуется в одном из разделов монографии. Автор отмечает, что россияне недостаточно информированы о целях и принципах этого движения. Основной формой буккроссинга в Волгограде и Саратове стали книжные шкафы и полки в образовательных учреждениях, музеях, парках и кафе. Но они пополняются старыми книгами, не отвечающими запросам современных молодых людей, на которых в первую очередь и ориентированы проекты. Кроме того, читатель информационного общества стремится получать нужные сведения за секунды с помощью гаджетов, он попросту отвык от усидчивости и внимательного чтения. Но автор не сомневается в сохранении основных социокультурных функций книги и перспективах развития буккроссинга.

Весьма интересным с философской и культурологической точек зрения является раздел, посвященный самодеятельному дизайну городских дворов. Это явление, пожалуй,

имеет место по всей России: от крошечных поселков до городов-миллионников. Что же стоит за стремлением жителей украсить свой двор с помощью отслуживших свое утилитарных вещей, мусора или детских игрушек? Автор обращается к творцам в качестве информантов: люди сами раскрывают мотивы и ценности, лежащие в основе дворовой культуры. «Дворовая культура – это и специфическая социальность, формы общения и группового поведения, это и особое, сокрытое от глаз, одомашненное жизненное пространство» (с. 133). В нем и разворачивается сущностная специфика человеческой деятельности – мироустроительная, созидаящая новый порядок. Творцами движет ностальгия по детству, желание привнести индивидуальность в типовые пространства площадок и палисадников, забота о живых существах. В эту культуру вписаны птицы и кошки – «украшение дворового пространства» (с. 143).

Таким образом, данная монография представляет интерес для самого широкого круга читателей, поскольку содержит наряду с глубиной философского анализа яркие жизненные наблюдения, дает представление о культуре Волгограда жителям других регионов, в качестве особого плюса содержит множество фото. Для профессиональных философов и культурологов эта книга выступает источником дальнейшего творческого поиска в области антропологии вещи, стимулирует размышления об иных аспектах бытования вещей в человеческом мире.

Опубликовано:

Сенкевич А.В. Рецензия на монографию «Антропология вещи в городской культуре: концептуальные основы и поиск метода» (Волгоград, Институт управления, 2016) // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2017. № 3. С. 85-87.